

Алексей Тепляков

«Охранное отделение» режимной экономики: комендантский корпус спецпоселений в Сибири (1930–1940-е гг.)

В отличие от созданной летом 1929 г. системы ГУЛАГа, которая должна была прибыльно функционировать за счёт бесплатного труда заключённых, крестьянская ссылка в начале 1930-х гг. носила характер репрессивный и имела главной целью основательную чистку деревни от «кулацких элементов»; организация жизни этой стремительно возникшей массовой политссылки была относительно второстепенной задачей. Новые источники дают сведения о том, что партийные верхи с самого начала коллективизации были готовы к откровенно террористическим мерам в отношении репрессированных «кулаков» и не торопились с организацией рационального использования их труда в ссылке. На одном из закрытых московских совещаний в феврале 1930 г. В. М. Молотов, рассуждая о судьбах «раскулаченных», сначала высказал мысль о целесообразности их массовых утоплений и расстрелов, затем упомянул о заключении в сибирские «концентрационные лагеря, если у [секретаря Сибкрайкома ВКП (б) Р. И.] Эйхе они имеются», и только затем предложил «подумать, на какие работы мы их отправим, возможно, на лесоповал»^[1].

Подобные настроения были распространены и у местных руководителей: в одной из сводок ОГПУ, адресованных в 1930 г. Сибкрайкому ВКП (б), отмечалось, что «у ряда районных работников и особенно низовых сложилось мнение, что выселение в данное время кулачества является началом их физического уничтожения, и на последовавшие директивы смотрели как на прикрытие, маскировку вышестоящими органами проводимой расправы с кулачеством»^[2]. Аналогичные мнения высказывались низовыми работниками в 1933 г., когда, например, начальник сформированного в Пятигорске с помощью облав эшелона «трудпоселенцев» заявил узникам, отправленным на север без каких-либо съестных припасов: «Жаль в вас пустить пули», а врачи (!) объясняли вымиравшим от голода 6 тыс. ссыльным, попавшим на нарымский «остров смерти» Назино: «Вас привезли сюда для того, чтобы вы все здесь померли»^[3].

Отношение к насильственно переселяемым государством было сформировано раз и навсегда: это люди исключительно сильно провинившиеся, поэтому заботиться о сохранении их жизни и способности к труду необязательно. Отношение к париям режима со стороны партийно-хозяйственных работников в этом отношении не отличалось от позиций карателей. В Красноярском крае на территории Северо-Енисейского приискового управления в течении 10 месяцев к началу 1941 г. из ссыльных польских осадников от голода и болезней умер 141 чел., включая 67 детей; при этом «почти все члены

Тэйской партийной организации скупали у них вещи за бесценок вместе с работниками НКВД"[4].

Нередко единственными защитниками прав ссыльных, обрекаемых на смерть преступным отношением со стороны не только руководящих инстанций, но и руководителей хозяйственных структур, которым передавались «кулаки», были именно чекисты, обладавшие как прямыми каналами быстрой доставки информации, так и серьёзной административной властью. Понимая свою службу в качестве «недрёманного ока», органы ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ, когда считали нужным, информировали партийно-государственные структуры о бесчисленных провалах местных властей, вызывавших недовольство населения и нарушавших тем самым политическую стабильность. В этом отношении работники госбезопасности, конечно, не считали катастрофические условия жизни ссыльных чем-то недопустимым, но полагали, что эту категорию «неправового населения» следует не морить голодом, а добиваться от неё запланированных трудовых результатов.

Жизнь крестьянской и этнической ссылки полностью зависела от хозяев спецпоселений — работников комендатур и милиции, охранявших ссыльное население, организовавших скудное снабжение и подобие быта, а также вербовавших из них секретную агентуру. Комендатурная система была организована в первые месяцы 1930 г. работниками краевых комендантских отделов и передана из системы НКВД в распоряжение ОГПУ летом 1931 г., когда потоки репрессированных крестьян, оказавшиеся значительно крупнее прошлогодних, захлестнули систему спецпоселений, нарушая и без того относительную её управляемость. Недаром в архивах отсутствуют какие-то сводные цифры по демографическим потерям среди «раскулаченных» за 1930 и 1931 гг.

В первую ссыльную волну чекисты занимались совместно с местными властями составлением списков «кулаков», сопровождением ссыльных до мест поселения, а также организацией подавления антиправительственных выступлений. Собственно устройство крестьянской ссылки было возложено на аппарат НКВД РСФСР, который назначал комендантов участковых комендатур (среднее звено) и комендантов подчинённых им посёлков (низшее звено). Коменданты охраняли и учитывали ссыльных, а повседневная жизнь последних, согласно инструкции, должна была быть основана «на принципе развития хозяйственной инициативы самих расселенцев"[5]. Чекисты при этом осуществляли контролирующие функции, а также организовывали репрессии против недовольных ссыльных, во множестве фабрикуя дела об антисоветской агитации, саботаже и повстанческих намерениях.

Резкое увеличение штатов ОГПУ в начале 1930-х гг., связанное со строительством аппаратов в каждом районе и налаживанием лагерной системы, не смогло преодолеть острый кадровый кризис карательного ведомства. Лишь небольшая часть чекистов была

выделена для устройства системы крестьянской ссылки, при этом речь в основном шла об использовании бывших сотрудников ВЧК-ОГПУ. Значительная часть работников комендатурной системы Сибири в начале 1930-х гг. была поставлена системой НКВД в лице краевого административного управления — куратора милиции и мест заключений. Между тем для организации жизни в сотнях спецпосёлков, сведённых в участковые комендатуры, требовались люди с существенным опытом административной работы. Но даже для должностей участковых комендантов, которые руководили (с помощью инспекторов, поселковых комендантов и милиционеров) массой в 10–20 тыс. ссыльных и пользовались правами глав райисполкомов, немного нашлось лиц из действующей хозяйственной номенклатуры требуемого уровня. Главными проблемами комендантов были как отсутствие должного организаторского опыта, элементарного образования и способностей, так и крайне низкий моральный уровень, склонность к преступлениям как корыстным, так и против личности.

Комендатурный аппарат, пронизанный работниками милицейско-тюремной системы, показал себя крайне неэффективным как в карательно-охранной, так и хозяйственно-бытовой сферах. Назначение значительной части руководящих комендантских работников из милицейских и военных чинов среднего и низового звена имело самые отрицательные последствия: эти лица оказались непригодными для создания приемлемых условий жизни в спецпосёлках. Советская милиция с первых лет своего существования была непрофессиональной и малодейственной, поскольку формировалась из малограмотных бывших военнослужащих и партизан, неразвитых, но политически лояльных и мотивированных в основном теми возможностями, которые у них появлялись. Низкая зарплата и тяжёлые условия труда в сочетании с наличием почти бесконтрольной власти превращали милицию в компанию постоянно нетрезвых взяточников, для которых борьба с преступностью была не главным занятием. На базе непрофессионализма и коррупции стремительно сложилась необыкновенно устойчивая традиция круговой поруки падких до криминала сотрудников милиции, благополучно пережившая советский период.

В мае 1921 г. начальник московского угрозыска И. Я. Фрейман писал, объясняя причины глубокой чистки как командного, так и рядового состава своего подразделения: «...Вакханалия расстрелов [всем] составом сотрудников, бесконтрольность и безотчётность — разнуздали инстинкты и сам угрозыск превратился в уголовщину. Он стал застенком, где обдeldывались всякие тёмные делишки — взятки, вымогательства и другие прелести... узаконились. Этим духом было проникнуто всё управление сверху донизу»^[6]. Из-за огромной текучести милицейский аппарат 1920 — 1930-х гг. всё время лихорадочно обновлялся, ежегодно вбрасывая в общество «отработанные» десятки тысяч людей с приобретённой уголовной ментальностью и одновременно

криминализируя значительную часть пополнения, что только стимулировало и без того огромный рост преступности.

Современные исследователи говорят о расцвете в 1920-е и 1930-е гг. по всей стране дикого хулиганства, приобретшего масштабы «национального бедствия»^[7], и прочей уголовщины. Например, по Ачинскому округу Сибкрая в середине 1926 г. за неполные полтора месяца было зафиксировано около 500 убийств, а в «Барабинском округе во время одного праздника в одном только селе убито 25 чел.»^[8]. Десятилетие спустя после революции абсурдные человеческие потери в залитой самогоном провинции не уступали тем, которые были в Гражданскую войну. Значительная доля вины за огромную преступность лежала на бездействии и непрофессионализме милиции.

Аппарат адмуправления и комендантского отдела Сибкрая состоял в основном из бывших крупных работников милиции и госбезопасности. С 1929 по 1930 г. Сибирский краевой адмотдел возглавлял С. А. Сумин^[9]. В 1929 — начале 1930 г. заместителем и врид начальника Сибирского крайадмотдела являлся Д. М. Барышев, бывший подпольщик и начальник Одесского губернского адмотдела, автор учебного руководства для работников угрозыска. П. И. Арбузов, бывший начальник окружной милиции, с августа 1930 г. руководил оргинструкторским отделом крайадмотдела^[10].

На должность сначала замначальника, а вскоре и начальника краевого адмотдела в 1930 г. был выдвинут опытный чекист, бывший начальник Барнаульского окротдела ОГПУ Ф. М. Скрипко, взявший на должность начальника комендантского отдела хорошо знакомого ему по работе в Барнауле начальника тюрьмы И.И. Долгих, бывшего партизана и командира частей ЧОН, известного жестокостью (лично рубил в 1922 г. пленных повстанцев) и пьянством. Впоследствии Скрипко оказался настолько скомпрометированным, что в 1932 г. его уволили с лишением наград, полученных от ОГПУ^[11]. Среди его подчинённых также были конфликтовавшие с законом. Например, Н. С. Крутиков, заведующий общим отделом Киренского окротдела ОГПУ Сибкрая, пьянствовал и в 1929 г. находился под следствием за подлог денежных документов. Однако осенью 1930 г. он обнаруживается на ответственной должности помначальника краевого комендантского отдела^[12].

Для руководящего состава выглядела типичной фигура М. Г. Китаева, бывшего начальника угрозыска милиции Туркестана, летом 1923 г. исключённого из РКП (б) за «неуместное вмешательство» в расследование отданных под суд работников Сырдарьинского облугрозыска. Затем он работал весовщиком на железнодорожной станции, а после восстановления в партии возглавлял сначала Томский угрозыск, затем — угрозыск Сибкрайадмотдела, а до 1930 г. — аппараты Томского и Кузнецкого окрадмотделов (в 1928 г. от Томской окрКК ВКП (б) имел предупреждение за бюрократизм). Затем Китаев учился в Томской промакадемии, выслужил скромную должность директора совхоза Сиблага ОГПУ, в 1934 г. был повышен до начальника

Анжерского горотдела УРКМ УНКВД Западно-Сибирского края (ЗСК), но вскоре получил строгий партвыговор с предупреждением «за безответственное отношение к работе». В 1935 г., работая комендантом Томской участковой комендатуры отдела трудпоселений (ОТП) УНКВД ЗСК, Китаев был снят за развал работы и понижен до помощника коменданта там же[13].

Высокая текучесть руководящих кадров наблюдалась даже в краевом аппарате адмотдела. Организатор партизанского отряда П. Г. Конопелько с 1920 г. работал в милиции, а в 1929—1930 гг. являлся заместителем и первым заместителем начальника краевого адмотдела. Но в конце 1930 г. он ушёл на должность зампреда Новосибирского горисполкома[14]. И. С. Корзилов возглавлял Ачинский и Каменский окружные адмотделы Сибкрая, выполняя любые поручения (в т. ч. в декабре 1925 г. участвовал в расстреле 16 бандитов, осуждённых во внесудебном порядке); имел партвыговор от Каменской окрКК ВКП (б) Сибкрая «за склоку». В январе 1930 г. Корзилов являлся врид начальника Сибирского крайадмотдела, но в том же году был назначен руководить КУИТУ ЗСК[15]. В. Горский в 1930—1931 гг. был замначальника комендантского отдела крайадмотдела ЗСК и замначальника Комендантского управления ПП ОГПУ ЗСК[16].

Те же комендантские работники, которые были взяты из гражданских структур, обычно являлись лицами, тяжело скомпрометированными. Так, заместитель председателя Бирилюсского райисполкома ЗСК В. В. Маньков в 1933 г. лишился должности за пьянство, грубость, хулиганство и незаконную конфискацию имущества крестьян, после чего оказался направлен «для укрепления» Бирилюсской комендатуры Сиблага. Маньков быстро вырос до должности участкового коменданта Парбигской комендатуры Сиблага, был премирован, а к 1938 г. дослужился до поста начальника 1-го отделения ОТП УНКВД по Новосибирской области (НСО)[17].

При организации отделов спецпоселений ОГПУ летом 1931 г. приняло в свою систему комендантские кадры, тем самым существенно повысив статус последних. Руководить же отделами спецпоселений полномочных представительств ОГПУ назначались видные чекисты, в отношении которых у руководства имелись серьёзные претензии (при огромной криминализированности оперативного состава «органов», в т. ч. руководящих работников, подобных персон было достаточно). С этого времени инфильтрация системы ОСП чекистами, причём преимущественно штрафниками, усилилась. Мощное влияние выходцев из спецслужб на облик комендантурной системы органично дополнялось воздействием низовой партхозноменклатуры, обладавшей не меньшими запасами классовой ненависти к ссыльным.

Особую роль с 1931 г. в комендантурной системе Западной Сибири играл И. И. Долгих, в течение семи лет руководивший краевой ссылкой. Коллеги Долгих постоянно обвиняли его в грубости и пьянстве; он недоплачивал партвзносы, ссорился с секретарями райкомов

Нарыма, позволял себе игнорировать собственное начальство, но был непотопляем и до 1950 г. занимал руководящие должности в системе ГУЛАГа[18]. Не менее отягощённым прошлым и настоящим отличался такой из его подчинённых, как бывший комендант Алтайской губЧК И. П. Белкин, отвечавший в начале 1920-х гг. за организацию массовых расстрелов: в 1931 г. он работал помкоманданта Парбигской участковой комендатуры и за помощь в ликвидации мифических «повстанческих организаций» был награждён часами[19]. Бывшие профессиональные палачи подвизались и на менее видных должностях: пулемётчик и комендант Особого отдела ВЧК в Севастополе Э. Я. Кристуль участвовал в массовом истреблении белых в Крыму, после чего лечился в психлечебнице; в середине 1930-х гг. он работал поселковым комендантом в Пудинской комендатуре ОТП УНКВД ЗСК[20].

В состав пенитенциарной системы сознательно зачисляли лиц, скомпрометированных криминальными делами и выгнанных со службы в силовых структурах. Эти коменданты и начальники лагерных пунктов должны были обеспечивать жёсткий охранный режим в отношении сотен тысяч «врагов», часть которых подлежала физическому истреблению. На службу в систему лагерей и спецпоселений в изобилии попадали всяческие отбросы, не нашедшие себе места в жизни, но согласившиеся помогать государству в уничтожении «врагов». Как отмечало руководство ПП ОГПУ ЗСК, к первой половине 1933 г. в северных районах края было расселено 57 905 «кулацких» семейств в составе 255 869 чел. По мнению чекистов, это была «резервная к[онтр]-р[еволюционная] армия, наиболее активные кадры которой уже вступили на путь самоорганизации для борьбы против существующего строя»[21]. Коменданты всецело разделяли подобный настрой своих старших коллег. Как пишут историки, в Нарыме при вселении имели место «случаи затопления барж, вмещавших от нескольких сотен до тысячи человек», а один из рядовых чекистов позднее хвастался, как «баржами топил» ссыльных крестьян[22].

В первой половине 1930 г. комендант «кулацкого» посёлка Мартынов в Кежемском районе Канского округа «без суда расстреливал людей», в чём ему помогали милиционеры вместе с партийцами и комсомольцами. В ночь на 3 сентября 1930 г. «комендант кулацкого посёлка с. Камышанки Алтайского района Синельников убил кулака Фёфелова». Постоянно убивали ссыльных в первой половине 1930-х гг. работники нарымских комендатур. Один из таких персонажей, помощник участкового коменданта Тевризской комендатуры Вассерман в феврале 1934 г. был отдан под суд за издевательства и «дачу установок стрелкам на расстрелы» поселенцев[23].

Человеческое отношение к переселенцам расценивалось нередко как «правый уклон»[24]. Поэтому совершившие тяжкие преступления и снятые с оперативной работы чекисты были желанными гостями в системе спецпоселений. Уполномоченный Нарымского оперсектора ОГПУ по Чаинскому району К. О. Гладких в 1931 г. организовал отряд

для ликвидации «кулацкой банды», совершивший ряд убийств, в т. ч. 8-летнего мальчика. Гладких отсидел семь месяцев, был возвращён в «органы» и прошёл к 1938 г. путь от милиционера до участкового коменданта в том же Чаинском районе[25]. Помощник уполномоченного Анжеро-Судженского райгоротделения ПП ОГПУ ЗСК П. Е. Селиванов в июле 1932 г. с группой коллег был арестован на 15 суток за участие в пытках арестованных, а в 1933 г. стал участковым комендантом Анжерской комендатуры ОТП[26]. Дефицит кадров распространялся и на низших сотрудников комендатур — стрелков охраны. В 1933 г. уволенные за уголовные преступления охранники Александро-Ваховской комендатуры Нарымского округа вскоре принимались на службу обратно, вновь практикуя бессудные расправы и ограбления ссыльных[27].

Но и «обычный» криминальный элемент составлял заметный процент руководящего звена системы спецпоселений. Фельдъегерь Ачинского РО ОГПУ А. П. Глазунов в 1932 г. был исключён из ВКП (б) за подделку денежных документов, а в 1935 г., уже будучи участковым комендантом в Томске, отправился на 5 лет в концлагерь за получение партбилета обманным путём. Судившийся до революции за убийство М. В. Борисов в 1933 г. был уволен с должности помкомеданта Северо-Енисейского отделения ОСП ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края (ВСК) за систематическое пьянство[28].

Текущая кадровая система спецпоселений значительно превосходила существовавшую в оперативных отделах ОГПУ-НКВД: комендантский состав целиком обновлялся за два-три года[29]. Отчаянное положение с кадрами заставляло привлекать в комендантурную систему и юнцов без какого-либо опыта. Например, 20-летний кузнец Красноярского депо А.Г. Метелев стал в 1931 г. комендантом ОТП ПП ОГПУ ВСК в Усть-Порту на Енисее[30]. Как и в остальной чекистской системе, новое пополнение под страхом репрессий сразу было вынуждено принимать правила корпоративного поведения, не оказывая сопротивления. Но известны случаи и политических измен ведомству, которые в начале 1930-х гг. были характерны даже для оперативного состава ПП ОГПУ ЗСК. Так, комендант Кузнецовского посёлка П. М. Раков летом 1931 г. принял участие в восстании спецпереселенцев в Чаинском районе Нарымского округа. Конечно, такие эпизоды были исключением.

Говоря об участковых комендантах, следует отметить, что они считались солидными управленцами районного уровня: в 1937 г. из 19 таких комендантов четверо считались партийным руководством Запсибкрая пригодными для занятия должностей председателей райисполкомов[31]. Но сравнительно немногие коменданты смогли сделать карьеру после ухода из системы. Особенно сложно было воспользоваться социальными лифтами поселковым комендантам.

Лишь небольшая часть комендантов смогла выдвинуться на оперативную чекистскую работу. А. К. Эйсмонт, в 1933 г. работавший

помощником участкового коменданта Ольховской комендатуры Сиблага, к 1937 г. стал помощником оперуполномоченного Юргинского РО НКВД, затем был переброшен в Томск, а в 1941 г. — утверждён начальником Барабинского РО НКВД-НКГБ[32]. Поселковый комендант нарымской Могочинской участковой комендатуры С. П. Чепоргин в 1937 г. окончил Новосибирскую межкраевую школу ГУГБ НКВД, работал помощником оперуполномоченного Куйбышевского РО УНКВД НСО и в 1938 г. был арестован за нарушения законности, получив в итоге 6 лет заключения[33]. Участковый комендант Александровской комендатуры ОТП Нарымского окротдела НКВД С. С. Зеленов был выдвинут на оперработу в 1939 г. и год спустя возглавил Асиновское РО УНКВД НСО[34]. Погребённые в глухомани гулаговской империи, комендантские работники в большинстве быстро или медленно спивались, успевая совершить немало служебных злоупотреблений и прямых преступлений.

Бывший курсант школы ОГПУ и снабженец Г. С. Захряпин, ставший участковым комендантом Прокопьевской комендатуры Сиблага, в 1934 г. был исключён из партии за провал плана добычи угля и непосещение шахты, продажу пригильного бычка, а также покупку часов у спецпереселенца, которого за это отпустил в отпуск на родину. Помощник участкового коменданта Колпашевской спецкомендатуры ОТП Нарымского окротдела НКВД Е. Ф. Мосейко в марте 1935 г. райкомом ВКП (б) был исключён из партии отдан под суд за систематическое пьянство, половую распущенность, втягивание в пьянство комсомольцев, дебош и избивание двух спецпереселенцев, за что оказался осуждён на два года ИТЛ[35]. Помощник райкоменданта ОТП на ст. Тевриз Тарского округа Омской области Н. Г. Николаев в мае 1936 г. был арестован за растрату, но освобождён уже в 1937 г. со снятием судимости. Райкомендант Галкинской комендатуры в Бакчарском районе НСО П. П. Шепель в 1942 г. за присвоение из казны 8 800 руб. был осуждён на 10 лет заключения[36].

Высокая преступность отличала комендантский состав и в послевоенное время. Поселковый комендант Парабельской комендатуры и парторг Парабельского РО УМВД по Томской области Л. Н. Чагин в ноябре 1947 г. был исключён из ВКП (б) за незаконные аресты, избивания задержанных и пьянство. Комендант Первомайской поселковой комендатуры Колпашевского РО УМВД по Томской области Н. П. Вялов осенью 1950 г. был исключён из партии за незаконный обыск в квартире депутата облсовета и арест члена его семьи, а также бесцельную стрельбу в нетрезвом виде и конфискацию 7 коров у колхозников[37].

Также для сотрудников комендатур было характерно обилие половых преступлений. Так, райкомендант ОТП в Саралинском районе Хакасской АО С. Р. Алексеев в августе 1937 г. был уволен и исключён из ВКП (б) за насилие над трудпоселенками и злоупотребление служебным положением (затем уголовное дело на него было прекращено за недоказанностью, что позволило Алексееву два года

спустя восстановиться в партии)[38]. Комендант ОСП Рубцовского ГО УМВД по Алтайскому краю Н. А. Баглай в 1948 г. был осуждён на 8 лет заключения за изнасилование девушки-спецпереселенки. И.Н. Выдрин, заместитель по ОСП начальника Третьяковского РО УМВД по Алткраю, в 1948 г. был осуждён на 3 года заключения за попытку изнасилования и нанесение жертве трёх ножевых ранений[39].

Деятельность комендантов носила противоречивый характер: параллельно с устройством ссыльных они должны были охранять «раскулаченных», следить за ними, насаждать в их среде противопобеговую агентуру и т. д., причём именно эта режимная работа являлась главной. При строительстве аппаратов комендатур они могли рассчитывать почти исключительно на помощь ссыльных, которые вели учёт громоздкого репрессивного хозяйства и занимали должности специалистов. При этом очень часто комендантов обвиняли в связях с «врагами народа». Так, поселковый комендант Жирновской комендатуры Колыванской учкомендатуры ОТП УНКВД ЗСК А. В. Наумов в конце 1936 г. за выполнение плана сельхозработ получил благодарность, а полтора года спустя, будучи комендантом ОСП УНКВД НСО в Пихтовском районе, был исключён из ВКП (б) за пьянство с поселенцами, скрывание прошлого своих родных, связь с арестованными зятем и сестрой[40]. Участковый комендант Каргасокской комендатуры ОТП Нарымского окротдела НКВД А. Н. Сопов в октябре 1937 г. за потерю бдительности (передоверял свои функции ссыльным врагам народа, которым выдавал премии) был исключён из ВКП (б), а затем оказался арестован и вышел на свободу только в декабре 1938 г.[41]

Коменданты то получали функции полноценных оперработников, ведших агентурную работу среди ссыльных, то лишались их. В декабре 1932 г. руководство союзного ОГПУ обязало полномочные представительства радикально улучшить состояние агентурной сети в сельской местности[42]. Результаты работы районных органов ОГПУ по всей стране на тот момент были неутешительны — во многих районах осведомительная сеть существовала только на бумаге.

Касаясь «оперативного обслуживания» ссыльных, заместитель полпреда ОГПУ по ВСК К. А. Павлов в январе 1933 г. отмечал, что оно повсюду совершенно неудовлетворительно: отсутствие резидентов и резидентур во многих местах, бесплановость расстановки и работы осведомительной сети, почти полное отсутствие агентурной разработки «антисоветского элемента» (не было ни одного группового дела), слабость работы осведомительной сети (в среднем в течение 1932 г. по райотделениям ОГПУ имелось всего около 50 донесений, а в Тайшетском РО все осведомители в течение года не дали ни одного донесения) и т. д. Руководство полпредства постановило отстранить от связи с осведомительной сетью по спецпереселенцам работников комендатур, провести чистку осведомительной сети, создать сеть квалифицированных осведомителей, которые могли бы выявлять «антисоветские и контрреволюционные настроения»[43]. Однако широкое

привлечение комендантов к агентурной работе было типичным и для последующих лет. В августе 1943 г. руководство УНКВД по Кемеровской области сообщало, что для усиления борьбы с побегами (которые носили уже массовый характер) начальники горрайотделов НКВД получили указание насаждать противопобеговую агентуру и освободить комендантов от работы с агентурой НКГБ, обязав её заниматься прежде всего борьбой с побегами[44].

Частые побеги ссыльных приводили к более или менее серьёзным последствиям для комендантов. Участковый комендант Прокопьевской комендатуры Сиблага П. Ф. Свиридов за побег в марте-апреле 1934 г. 308 трудпоселенцев был арестован на 5 суток с исполнением служебных обязанностей. Работая затем участковым комендантом ОТП Сталинского ГО УНКВД ЗСК, Свиридов в ноябре 1935 г. был исключён из ВКП (б) как дезертир РККА, активно служивший у белых, что не помешало его переводу в Новосибирск и назначению заместителем начальника 5-го отделения ОТП УНКВД ЗСК. К лету 1938 г. Свиридов уже работал начальником отдела общего снабжения УИТЛК УНКВД НСО и был восстановлен в членах ВКП (б)[45]. Бывший участник захвата Зимнего дворца, сотрудник ЧК на транспорте и член президиума губкома ВКП (б) И. А. Резчиков с 1930 г. работал столяром, а в 1933 г. ЦК ВКП (б) был мобилизован на работу в Сиблаг и назначен поселковым комендантом Михайловской спецкомендатуры в Тарском округе. В 1934 г. его исключили из ВКП (б) как разложившегося на почве пьянства и допустившего массовый побег спецпереселенцев, но вскоре восстановили «как раскаявшегося». Райкомендант Парбигской спецкомендатуры ОТП Нарымского окротдела НКВД И. А. Силков в 1944 г. был снят с должности за отсутствие работы с противопобеговой агентурой и несвоевременную отчётность, после чего его понизили до поселкового коменданта[46].

Хозяйственные провалы также несли за собой частые наказания. Работавший в ОСП ПП ОГПУ ЗСК Д. И. Белецкий в мае 1933 г. был исключён из ВКП (б) за «не обеспечение руководства севом» и затем, переброшенный в глубинку, подвизался в Тевризской комендатуре Тарского оперсектора ОГПУ. Поселковый комендант Колыванской участковой комендатуры Сиблага ОГПУ М. С. Белозёров в июне 1934 г. оказался изгнан из партии за «очковтирательство при отчёте за посевную кампанию» и уволен из ОГПУ[47]. Участковый комендант Пудинской комендатуры ОТП Нарымского окротдела УНКВД ЗСК В. И. Коршунов в 1934 г. был арестован на 15 суток за плохую организацию хлебозаготовок и исключён Нарымским окружкомом ВКП (б) из партии за срыв хлебоуборки. Однако менее двух месяцев спустя Коршунов как исправивший работу был восстановлен в членах ВКП (б)[48].

Обычно комендантский работник быстро обрастал шлейфом служебных и партийных взысканий. Набор самых распространённых обвинений можно видеть на примере помощника участкового коменданта Каргасокской комендатуры ОТП Нарымского оперсектора ОГПУ С. И.

Ледоховича, исключённого из ВКП (б) в ноябре 1933 г. за систематическое пьянство, дебош, связь с чуждым и антисоветским элементом, «отпуск продуктов для обмена на вино и за разложение... аппарата комендатуры». Фиксировались и более экзотические проступки. Поселковый комендант Айполовской и Больше-Гривской комендатур Нарымского округа И. В. Силицкий в марте 1934 г. Каргасокским РК ВКП (б) был исключён из партии «за организацию и руководство подпольного кружка «Клуб любителей проституции»»[49].

Даже логичное исключение из партии за серьёзные проступки не исключало возможности успешной апелляции и возвращения к работе в «органах». Например, комендант Тайштынской комендатуры ОТП Хакасского облотдела УНКВД по Красноярскому краю Е. А. Замуруев в июле 1936 г. был исключён из ВКП (б) за потерю классово-бдительности, систематическое пьянство и половую распущенность. Уволенный из НКВД, Замуруев два года спустя смог восстановиться в партии и на 1939 г. трудился инспектором политотдела УРКМ УНКВД по Алтайскому краю[50]. Н. Р. Гилев, работавший в 1937—1938 гг. участковым комендантом ОТП Тарского окротдела НКВД, в декабре 1937 г. ячейкой Знаменской районной МТС был исключён из партии за служебные злоупотребления и мародёрство. Тарским окружкомом ВКП (б) в марте 1938 г. Гилев был восстановлен в членах партии и переброшен из Знаменского района[51].

Поселковый комендант трудпосёлка Чернушка Верхнетавдинского района Омской области Г. И. Мехоношин, ранее арестованный на 10 суток за пьянство, в июне 1937 г. ячейкой мехлеспункта был исключён из партии за «неустойчивость» (задержал подвоз хлеба «для снабжения рабочих агрегата оборонного значения», допустил брак дочери с трудпереселенцем) и уволен из НКВД. В апреле 1938 г. он был восстановлен в ВКП (б) с выговором за пьянство и нарушение законности, а впоследствии вернулся в лагерную систему[52]. Комендант спецпосёлка Шуга в Надымском районе Омской области Д. В. Авдиенко в 1941 г. от райкома получил строгий выговор за пьянство и связь с трудпереселенцами; в 1942 г. — строгий выговор с предупреждением за пьянство в рабочее время и дебош, а в 1943 г. оказался исключён из партии за сожительство с трудпереселенками, пьянство и бытовое разложение. Однако обком счёл необходимым восстановить его в партии[53].

Примером успешной карьеры работника комендатурной системы может быть судьба А. Ф. Кия. Будучи комендантом Новосибирского пересыльного пункта ПП ОГПУ ЗСК, Кий в ноябре 1933 г. за развал работы пункта подлежал снижению, но вместо этого без согласования с отделом кадров полпредства ОГПУ был назначен участковым комендантом Барнаульской комендатуры ОСП, затем работал участковым комендантом Тяжинской комендатуры и в конце 1938 г. получил должность в центральном аппарате НКВД, став заместителем начальника 1-го отделения ОК ГУЛАГа НКВД СССР.

С сентября 1939 г. Кий руководил Южским лагерем военнопленных, а в 1945 г., дослужившись до подполковника, возглавлял объекты 25/В и № 35/13[54].

Дефицит кадров и круговая порука приводили к тому, что провалившиеся работники то и дело перебрасывались в соседние районы, часто даже без понижения[55]. Ветеран комендантской службы М. Д. Мягков, участковый комендант Барнаульской комендатуры ОТП, в начале 1937 г. был снят с работы за «непартийное поведение». Работая впоследствии райкомендантом Прокопьевской комендатуры ОТСП УНКВД по Кемеровской области, он в феврале 1943 г. был исключён из партии и уволен за «срастание с кулацким элементом» и самоснабжение: постановление СНК о восстановлении в правах трудпоселенческой молодёжи, плохо вёл учёт ссыльных, из колхоза себе «брал без меры» крупу (108 кг), муку (309 кг), мёд (165 кг), масло (29 кг); откормил за колхозный счёт быка и задолжал 3 000 руб.[56]

При всём при том покидать карательную систему с её многочисленными властными и материальными привилегиями желали далеко не все. Например, комендант спецкомендатуры в Турочакском райотделе МВД Горно-Алтайской АО орденосеиц А. В. Болдырев в марте 1954 г. был исключён из КПСС за отказ перейти на работу в колхоз зоотехником согласно своей изначальной специальности[57].

Документы говорят, что доставка и обустройство каждого переселенческого потока являлись запланированной трагедией большего или меньшего масштаба: эшелоны скудно снабжались и шли долгое время, на месте же ссыльные встречали обычно голое место, где нужно было устраиваться самостоятельно. Поэтому и крестьяне, и деклассированные поселенцы 1933 г., и многочисленные репрессированные народы понесли серьёзные человеческие потери. Для первой половины 1930-х гг. характерны наказания участковых комендантов и их подчинённых за действия, прямо связанные с массовой гибелью ссыльных, в т. ч. детей. С лета 1931 по лето 1932 г. в комендатурах Сиблага было уволено 654 чел., против 70-ти возбуждены дела и около 50 чел. по ним осудили: один был расстрелян, остальные получили от 3 до 10 лет. За допущение весной-летом 1933 г. гибели 3 200 чел. на о. Назино и прилегающих районах было осуждено 25 нарымских комендантских работников[58].

Очевидные провалы пенитенциарной системы в ряде случаев выступали в качестве спасительных для множества ссыльных. Например, с 1930 г. по сентябрь 1933 г. в Западно-Сибирском крае с мест поселений был зарегистрирован 104 621 побег, причём задержать, вместе с добровольно возвратившимися, удалось только 27 795 чел., или 26,4%[59] (возможно, в статистике неразысканных беглецов чекисты спрятали часть сверхсмертности); за 1934–1942 гг. численность бежавших резко снизилась — примерно до 9 тыс.[60]

Часть репрессированных смогла воспользоваться коррумпированностью чекистов и милиции. В начале 1930-х гг. охранники спецпосёлков Иркутского и Тайшетского районов ВСК фабриковали документы и продавали ссыльным, которые затем в массовом порядке бежали. Партийная чистка 1934 г. выявила, что в аппарате Артёмовского РУМ (Хакасия) часть паспортов была «утеряна», а часть — незаконно выдана спецпереселенцам[61]. В 1945—1946 гг. отдел спецпоселений УМВД по Томской области с согласия правительства использовал на строительстве в Томске 945 «спецссыльных», из которых половина (466 чел.) в нарушение инструкции была оставлена вне пределов зоны поселений и после окончания строительного сезона. А ряд работников ОСП в тот же период за взятки освобождали ссыльных евреев, в связи с чем было осуждено несколько томских чекистов[62].

Таким образом, организация комендатурной системы с самого начала имела штрафной характер и питалась лицами, скомпрометировавшими себя. Именно благодаря строительству системы ГУЛАГа и массовой политической ссылки из огромного числа ветеранов ВЧК-ОГПУ, милиции и тюремного ведомства быстро образовался внушительный слой чекистов «второго сорта» — личностей, уволенных из «органов» в основном как преступных или некомпетентных, но теперь возвращённых в карательную систему низового уровня. Пребывание в удалённых районах и тяжёлые условия труда должны были компенсироваться льготами и почти беспредельной властью над ссыльными.

За счёт огромных и в основном безвозвратных капиталовложений в первой половине 30-х годов на севере Западной Сибири была сформирована система аграрно-комендатурного спецпроизводства, обеспечивавшая только скудное внутреннее потребление[63]. С середины десятилетия комендатурный режим был несколько ослаблен, а хозяйственные функции от НКВД перешли к гражданским властям, что способствовало определённым производственным успехам в системе поселений. А с конца 30-х годов началось формирование параллельной этнической ссылки, причём там наблюдался обратный процесс: режим до начала 1950-х гг. постоянно ужесточался, а полномочия комендантов в вопросах, выходящих за рамки охранно-учётных функций, были во многом номинальными[64].

Постепенно сама репрессивная система стала осознавать тщету карательных мер, призванных удержать ссыльных в местах расселения, предлагая закреплять их с помощью социально-экономических стимулов. Крестьянская ссылка оставалась массовой до середины 1940-х гг., этническая продержалась на десятилетие дольше. Затем комендатурная система по инициативе руководства МВД СССР была быстро демонтирована, продемонстрировав в итоге и ограниченные возможности силового трудоустройства, и тяжёлые демографические последствия этих попыток. Коменданты, не имея ни ресурсов, ни административных способностей, ни тем более сочувствия к «врагам

народа», обычно выполняли свои обязанности наихудшим образом. Многолетний опыт руководства ссылкой штрафной частью репрессивного аппарата должен быть признан целиком негативным и нанёсшим огромный урон обществу.

Примечания

[1] Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 145.

[2] Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 101.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766. Л. 99; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 1445. Л. 9 об.

[4] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 171. Л. 85 (сведения к.и.н. А. С. Ильина).

[5] Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г.: Сб. документов. Новосибирск, 1992. С. 202.

[6] Скоркин К. В. МВД России. Люди, структура, деятельность. Т. 2. НКВД РСФСР 1917–1923. М., 2008. С. 371.

[7] Панин С. Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. №4; Богданов С. В. Советская Россия в 1920-е годы: власть, социальные аномалии, общество. Курск, 2006.

[8] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 116 об.

[9] ИАОО. Ф. 1326. Оп. 1. Д. 40. Л. 47.

[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2738. Л. 38 — 38 об.; Д. 2733; ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 114. Л. 32; Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 107; ИАОО. Ф. 1326. Оп. 1. Д. 40. Л. 1; Д. 82. Л. 58.

[11] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 99. Л. 2, 3; Д. 151. Л. 134. Д. 405. Л. 70; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 579. Л. 759.

[12] ГАНО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 198. Л. 15, 25; Ф. 47. Оп. 5. Д. 106. Л. 75.

[13] Ларьков Н. С., Чернова И. В. Полицмейстеры, комиссары, начальники: (Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX-XX вв.). Томск, 1999. С. 129–131; Архив УВД НСО. Ф. 19. Кор. 41. Т. 4. Л. 292.

[14] Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 286; ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1408. Л. 133; Ф. П-3. Оп. 3. Д. 363. Л. 7; Ф. П-76. Оп. 1. Д. 254. Л. 62 об.

[15] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 153. Л. 86; Д. 157. Л. 88 об.; Д. 293. Л. 173–174; ИАОО. Ф. 1326. Оп. 1. Д. 82. Л. 74; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 100. Л. 1; Ф. 20. Оп. 2. Д. 18. Л. 597.

[16] Архив УФСБ НСО. Д. П-17386. Т. 3. Л. 525; ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 106. Л. 128.

[17] Тепляков А. Г. Опричники Сталина. М., 2009. С. 98.

[18] Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. М., 2008. С. 431, 440, 528; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 1109. Л. 18 — 18 об.; Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

[19] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2741. Л. 138 — 138 об.; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 763. Л. 204, 206; Управление ФСБ Российской Федерации по Новосибирской области. Новосибирск, 2002. С. 14.

[20] Нарымская хроника 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания. М., 1997. С. 74; ГАНО. Ф. 1049. Оп. 1. Д. 265. Л. 44.

[21] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 554. Л. 7–8.

[22] Красильников С. А. Серп и Молох. М., 2003. С. 163; Нарымская хроника 1930–1945... С. 172.

[23] Тепляков А. Г. Машина террора □ С. 88; Спецпереселенцы в Западной Сибири 1933–1938. Вып. 3. Новосибирск, 1994. С. 187–188.

[24] См. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 2. М., 2005. С. 687.

[25] ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 292. Л. 399–400; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 155. Л. 27; Д. 320. Л. 5; Д. 361. Л. 165.

[26] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 168. Л. 19.

[27] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 1445. Л. 10 об.

[28] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 534. Л. 152; Оп. 2. Д. 561. Л. 13; Оп. 1. Д. 250. Л. 99.

[29] Красильников С. А. Серп и Молох □ С. 202.

[30] Ленинский путь (Тара). 1979, 3 февр. С. 4.

[31] Тепляков А. Г. Машина террора □ С. 510–515, 428.

[32] ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 892. Л. 160; ГАНО. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 38. Л. 183; Ф. П-29. Оп. 1. Д. 531. Л. 89.

[33] Архив УФСБ НСО. Д. П-547. Л. 99, 103; Д. П-8139. Л. 267–268; ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 77. Л. 44.

[34] Архив УФСБ НСО. Д. П-4976. Л. 147; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 2386. Л. 131–133; ЦДНИТО. Ф. 537. Оп. 1. Д. 25. Л. 52.

[35] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 1392. Л. 114; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 439. Л. 106; ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 91. Л. 75–76.

[36] ИАОО. Ф. П-940. Оп. 3. Д. 79. Л. 44; ГАНО. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 942. Л. 50; ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 582. Л. 71.

[37] ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 865. Л. 20; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1744. Л. 16, 118.

[38] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 611. Л. 11.

[39] ГААК. Ф. П-1. Оп. 82. Д. 7. Л. 286; Оп. 80. Д. 11. Л. 288–289; Д. 94. Л. 163; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1385. Л. 205.

[40] Архив УВД НСО. Ф. 19. Кор. 48. Т. 1. Л. 440; ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 47. Л. 80.

[41] Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей. Т. 4. Томск, 1992. С. 155; ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 281. Л. 1; Д. 292. Л. 67.

[42] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766. Л. 2.

[43] Наумов И. В. Органы государственной безопасности Восточно-Сибирского края (1930–1936)
URL: www.memorial.krsk.ru/Articles/Naumov.htm

[44] Спецпереселенцы в Западной Сибири 1939–1945 гг. Вып. 4. Новосибирск, 1996. С. 224.

[45] Бедин В., Кушникова М., Тогулев В. Кемерово и Сталинск: Панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920–1930-х гг. Кемерово, 1999. С. 412; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 423. Л. 194–195; Д. 693. Л. 171.

[46] ИАОО. Ф. П-940. Оп. 3. Д. 54. Л. 83; Спецпереселенцы в Западной Сибири 1939–1945 □ С. 241–242; ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 722. Л. 34.

[47] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 96. Л. 132; Оп. 2. Д. 635. Л. 9.

[48] Спецпереселенцы в Западной Сибири 1933–1938... С. 199; ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 33. Л. 40, 54, 75.

[49] Тепляков А. Г. Опричники Сталина... С. 100, 117.

[50] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 386. Л. 44; ГААК. Ф. П-10. Оп. 22. Д. 46. Л. 57.

[51] ИАОО. Ф. П-940. Оп. 4. Д. 65. Л. 103; Д. 90. Л. 2.

[52] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 377. Л. 107; Оп. 3. Д. 296. Л. 122; ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 1482. Л. 216.

[53] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 4. Л. 208.

[54] Архив УВД НСО. Ф. 19. Кор. 39. Т. 2. Л. 758; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 9. Д. 13. Л. 217; ГААК. Ф-10. Оп. 5. Д. 132. Л. 61; ЦДНИТО. Ф. 1134. Оп. 2. Д. 3. Л. 18; Катунь. М., 1997. С. 20, 72, 122, 296, 445.

[55] Красильников С. А. Серп и Молох □ С. 192.

[56] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 841. Л. 207; ГААК. Ф. П-10. Оп. 20. Д. 129. Л. 24 об.; ГАКО. Ф. П-26. Оп. 6. Д. 26. Л. 123–124.

[57] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 520. Л. 34.

[58] Красильников С. А. Серп и Молох... С. 167; ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766. Л. 135, 129.

[59] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 776. Л. 113.

[60] Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1939–1945... С. 206.

[61] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 516. Л. 7; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 12. Д. 50. Л. 12.

[62] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1316. Л. 324–236.

[63] Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е — начало 1950-х гг.) Новосибирск, 2008. С. 176.

[64] Шадт А. А. Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 240.

Список использованной литературы:

Бедин В., Кушникова М., Тогулев В. Кемерово и Сталинск: Панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920–1930-х гг. Кемерово, 1999.

Богданов С. В. Советская Россия в 1920-е годы: власть, социальные аномалии, общество. Курск, 2006.

Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей. Т. 4. Томск, 1992.

Гущин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996.

Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998.

Катынь. М., 1997.

Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009.

Красильников С. А. Серп и Молох. М., 2003.

Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е — начало 1950-х гг.) Новосибирск, 2008.

Ларьков Н. С., Чернова И. В. Полицмейстеры, комиссары, начальники: (Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX-XX вв.). Томск, 1999.

Нарымская хроника 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания. М., 1997.

Наумов И. В. Органы государственной безопасности Восточно-Сибирского края (1930–1936)
URL: www.memorial.krsk.ru/Articles/Naumov.htm

Панин С. Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 2. М., 2005.

Скоркин К. В. МВД России. Люди, структура, деятельность. Т. 2. НКВД РСФСР 1917–1923. М., 2008.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г.: Сб. документов. Новосибирск, 1992.

Спецпереселенцы в Западной Сибири 1933–1938. Вып. 3. Новосибирск, 1994.

Спецпереселенцы в Западной Сибири 1939–1945 гг. Вып. 4. Новосибирск, 1996.

Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. М., 2008.

Тепляков А. Г. Опричники Сталина. М., 2009.

Управление ФСБ Российской Федерации по Новосибирской области. Новосибирск, 2002.

// История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2011 г. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2013. (История сталинизма. Дебаты). С. 450–468.

<http://rusk.ru/st.php?idar=66307>